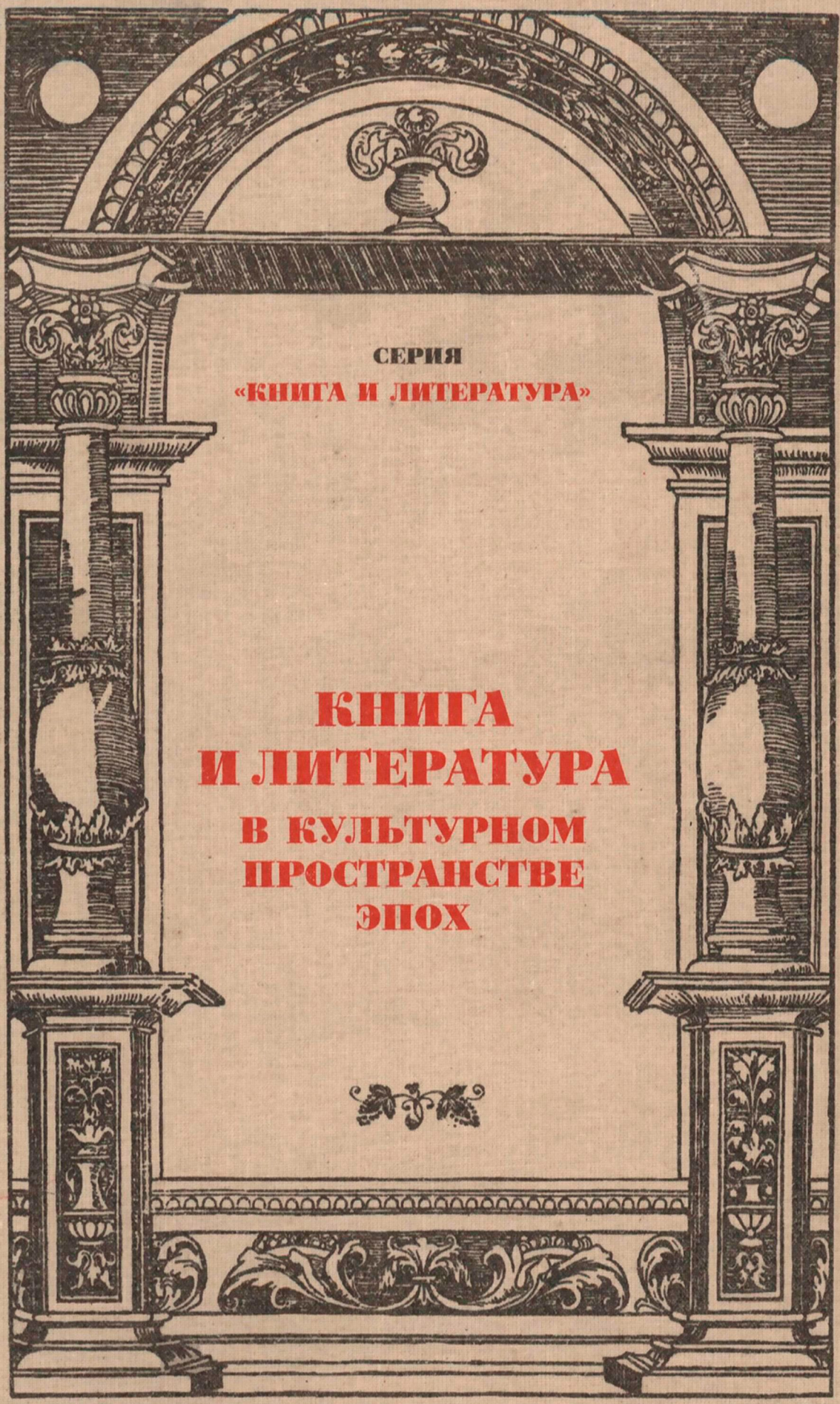


СЕРИЯ
«КНИГА И ЛИТЕРАТУРА»

КНИГА И ЛИТЕРАТУРА В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЭПОХ

КНИГА И ЛИТЕРАТУРА В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЭПОХ (XI–XX ВЕКА)

Посвящается 45-летию научно-педагогической деятельности
ЕЛЕНЫ ИВАНОВНЫ ДЕРГАЧЕВОЙ-СКОП

Составители и ответственные редакторы
О. Н. Фокина, В. Н. Алексеев

Новосибирск
2011

М. Н. КЛИМОВА

НЕИЗВЕСТНАЯ РЕДАКЦИЯ ПОВЕСТИ ОБ АНДРЕЕ КРИТСКОМ В СТАРООБРЯДЧЕСКОМ СБОРНИКЕ

СЕРИЯ «КНИГА И ЛИТЕРАТУРА»

КНИГА И ЛИТЕРАТУРА
В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЭПОХ
(XI–XX ВЕКА)

В 1997 г. Кемеровское собрание рукописей ГПНТБ СО РАН пополнилось в числе прочих поступлений старообрядческим сборником-конволютом конца XIX в., получившим номер О.XIX.6. Рукопись была приобретена в с. Старобачаты Беловского района Кемеровской области от старообрядки филипповского согласия Агафьи Родионовны Смольниковой. Сборник на 88 листах in octavo составлен из рукописей двух писцов (полуустав). Первая часть, включающая статьи и выписки нравоучительного и эсхатологического содержания, при переплетении была обрезана. Вторая часть, начинающаяся с 79 листа, имеет самостоятельную кириллическую пагинацию и включает единственный текст, озаглавленный: «Об Андрее Критстем епископе». Текст определен нами как неизвестная ранее редакция Повести об Андрее Критском, анализу которой и посвящается данное сообщение.

Повесть об Андрее Критском, входящая в группу древнерусских обработок «Эдипова сюжета» (кроме нее Повесть о папе Григории и Сказание Иеронима о Иуде Предателе), весьма широко распространена в русской рукописной традиции. В отличие от других произведений этой группы, повесть известна только у восточных славян, начиная с конца XVI в. Международный сюжет о невольном отцеубийце и кровосмесителе соединен в этом тексте с именем византийского проповедника и гимнографа Андрея, архиепископа Критского, причисленного к лику святых православной церкви (день памяти 4 июля). Ни каноническое житие святого, ни биографическая справка, включенная в текст его самого знаменитого творения, Великого канона, никаких оснований для этого не дают. Апокрифическое житие святителя было составлено уже на русской почве из произвольно истолкованных признаний безымянного героя Великого канона, наивно отождествленного с самим его автором[1]. Повесть служит как бы легендарной предысторией создания знаменитого канона, который, согласно ее тексту, был написан кающимся героем-кровосмесителем во время его заточения в глубоком погребе. Дополнительные сюжетные подробности заимствуются при этом из других повестей о кровосмесителе (более всего из апокрифического Сказания Иеронима о Иуде Предателе) и шире, из многочисленных рассказов о «грешных святых», распространенных в древнерусской рукописной и фольклорной традиции. Идея всесильности раскаяния, навеянная пафосом Великого канона и характерная для средневековых обработок «Эдипова сюжета», получает в Повести полемически заостренное и даже парадоксальное воплощение. Грешат, каются и спасаются не только главный

---

* Приношу глубокую благодарность Е. И. Дергачевой-Скоп и А. Ю. Бородихину за предоставленную информацию и возможность ознакомиться с рукописными материалами и полевыми экспедиционными записями.

[1] См.: *Кимова М. Н.* Великий канон Андрея Критского как источник его апокрифического жития // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. — Новосибирск, 2006. — С. 107–117.

герой и его мать-жена, но и соблазненные Андреем монахини женского монастыря, история которых выглядит почти вставной новеллой. Тезис о безграничности Божьего милосердия становится предметом ожесточенной полемики главного героя с не прощающим его вторым нереем, а чтение нравоучительных притч на эту тему неожиданно превращается в орудие обольщения, которым с помощью несложных софизмов Андрей соблазняет набожную игуменью.

Повесть об Андрее Критском, соединяющая несколько сомнительное назидание с несомненной сюжетной занимательностью, находится как бы на перепутье между старыми нравоучительными и новыми развлекательными жанрами, что и отразила ее рукописная традиция. Памятник дошел до нас более чем в полусотне списков во временном отрезке от конца XVI до начала XX в. Согласно текстологическому анализу[2], сохранившиеся списки памятника распределяются по семи редакциям и многочисленным вариантам. Древнейшая из них — Краткая, характеризующаяся конспективным изложением событий, сохранила при этом следы сокращения более пространного текста-архетипа. Краткая редакция представлена двумя списками, один из которых, опубликованный Н. К. Гудзием, является наиболее ранним из дошедших списков памятника[3]. Основная часть списков (44) относится к Распространенной редакции, характеризующейся разнообразным наполнением сюжетной схемы Повести, не вполне совпадающей при этом с ее архетипом. Списки редакции распределены нами по 12 вариантам. Различные трансформации ее также легли в основу четырех вторичных редакций памятника (Лесмановской, Соколовской или Былинной, Сокращенной и Вахрамеевской). Все они представлены единичными списками за исключением Сокращенной редакции, известной в трех списках, относящихся к двум разным вариантам. Наконец, особняком стоит дефектный список петровского времени из собр. М. Н. Тихомирова № 252 (ОРКиР ГПНТБ СО РАН), представляющий собой авторскую обработку сюжета, независимую от Распространенной редакции и названную нами Особой редакцией[4].

Как уже говорилось, текст Повести сильно варьируется. Развитие его идет по двум направлениям, соответствующим двойственности самого памятника. Значительную часть переписчиков привлекают именно острота фабулы и необычность описанных в Повести событий. Это подчеркивается даже заглавием текста, воспринимаемого как занимательная «гистория», например: «Сказание о Андрее Критском, како отца своего убил, а мать свою за себя взял» (ОР ГИМ, собр. Вахрамеева, № 436, XVIII в. — Вахрамеевская редакция). Но заметна и другая тенденция — неоднократные попытки ввести Повесть в русло житийной традиции. Для этого в ее тексте резко увеличивается количество богословских сентенций и указаний на происки дьявола или Божью волю, производятся намеренные окнижение и архаизация языка памятника, исправляются некоторые «сомнительные» подробности и ошибочные ссылки на духовные тексты. Однако эти изменения не затрагивают идейного содержания памятника и проводятся непоследовательно, отчего поставленной цели не достигают.

---

[2] *Климова М. Н.* Повесть об Андрее Критском: (проблемы текстологии и литературной истории) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1989. — 16 с.

[3] *Гудзий Н. К.* К легендам о Иуде Предателе и Андрее Критском // Рус. филол. вестн. — 1915. — № 1. — С. 29–34.

[4] *Климова М. Н.* Особая редакция Повести об Андрее Критском // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. — Новосибирск, 1982. — С. 219–223.

Новонайденный текст Повести, прежде всего, поражает своим необычайным лаконизмом (он едва ли не вполовину короче известных списков Сокращенной редакции, которая, как и кемеровский список, восходит к общему источнику — редакции Распространенной)[5]. Однако если Сокращенной редакции предшествовал устный пересказ (пересказы?) Повести, что приводит к скомканности некоторых сюжетных линий[6], то в рассматриваемом нами списке идет целенаправленное сокращение некоторых эпизодов. Особенно это касается жизни героя в женском монастыре. Так, в исходном тексте игуменья, прежде чем распорядиться о судьбе младенца, обнаруженного черницей, вышедшей за водой, ведет всех своих сестер на берег моря, с пристрастием допрашивает их и, только убедившись в их невиновности, приказывает взять найденыша на воспитание. Сравни кемеровский список: «И в то время изыде на море старица почерпнути воды и слыша плачющ младенец. Она же сказа игумении и сестрам. Игумения же повеле отроча взяти в монастырь, глаголемый Купина Неопалимая Богородице» (л. 80–80 об.). Сокращено и симметричное этой сцене пространное и несколько путаное описание взаимного покаяния инокинь, соблазненных повзрослевшим Андреем. Так, лишь отголосок («Многими мя словесы прелсти») остается от «сомнительного» рассказа кающейся игуменьи, которую герой соблазнил во время совместного чтения «притч многих прежних человек падения во грех: мытарей и гонителей, и блудников, и блудниц». Упомянем также другие случаи сокращения исходного текста в кемеровском списке. Пространное описание греховных чувств хозяйки к молодому работнику, невольному убийце ее мужа, человеку, по возрасту годяшемуся ей в сыновья и, что не скрывает повествователь, ее действительному сыну, заменено в этом списке одной фразой: «Андрея же любяше его госпожа». Исключен, кроме того, «богословский диспут» героя со вторым иереем (в кемеровском списке несговорчивых пастырей не три, а два).

Однако изменения исходного текста в рассматриваемой вторичной редакции явно не ограничиваются его сокращением. К числу внесенных добавлений можно отнести, например, лейтмотивную тему «винограда», пронизывающую сюжетную линию безымянного купца, отца Андрея, — именно «в винограде» слышит он предсказание голубей, там же хоронит его невольный убийца-сторож. Более пространны и дополнены бытовыми подробностями сцены найма купцом этого сторожа и его невольного ночного убийства. Главное же дополнение, внесенное создателем этого текста, касается покаяния героя в погребе и написанного им канона. Отправляясь в затвор, Андрей специально узнает у епископа, как ему молиться в этих условиях; далее следует описание его покаяния, детальность которого особенно заметна среди общей лаконичности текста: «Андрей же моляшеся Богу и сотвори канон великий [на] 5 недели Великого поста в четверток. Андрей же труды к трудом прилагая и устави на всяк стих: // «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе» и три поклона со слезами с седмыя ступени на нижнюю» (л. 86–86 об.). Создатель кемеровского списка хорошо помнит правила исполнения канона во время великопостной литургии и его рефрен и даже указывает количество стихов и поклонов, необходимых

[5] Об этом неопровержимо свидетельствует уже первая фраза кемеровского списка: «Бе некто человек в Пули граде Критстем купец некий». «Пули» — остаток имени отца Андрея в списках Распространенной редакции («Паулий» или «Поуливачь»), в то время как действие Повести в исходном тексте разворачивается в фантастическом «граде Крите» (в отличие от сочинителей ее автор Кемеровского списка знает, что Крит — остров).

[6] См.: *Климова М. Н.* Вторичные редакции Повести об Андрее Критском // Литература Древней Руси: Источниковедение. — Л., 1986. — С. 180–186.

при его чтении на вечерних и всенощной службах[7]. Если в большинстве списков Распространенной редакции история Андрея-кровосмесителя именуется «житием», приуроченным ко дню его памяти, то заглавие кемеровского списка ограничено церковным титулом святого, явно интересующего книжника только как автор канона. Один из авторских вариантов Распространенной редакции (ОР РНБ, собр. Титова, № 278, сер. XVIII в.), характеризующийся сильным окнижением и архаизацией языка Повести, также приурочивает ее содержание ко времени исполнения Великого канона: «Слово о Андрее Критском в четверток 5 недели Великого поста». В обоих случаях приводимая история играет роль биографической справки о создателе канона.

Чтобы подчеркнуть эту особенность рассматриваемой нами вторичной редакции, ее можно назвать «Литургической» (подобно Былинной и Сокращенной), хотя допустимо и обозначение по месту ее хранения «Кемеровская» (подобно Лесмановской, Соколовской или Вахрамеевской).

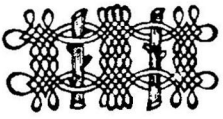
Таким образом, найденную редакцию Повести следует отнести к числу попыток приспособления этого «сомнительного» текста к традициям душеполезной древнерусской словесности. Такая тенденция характерна для бытования памятника в старообрядческой среде. Однако было бы грубым преувеличением представление о книжниках-старообрядцах только как о суровых блюстителях старины, бесконечно чуждых мирскому и «неполезному» чтению. Показательно, что за несколько лет до приобретения рукописи А. Р. Смольникова, последняя владельца рассматриваемого сборника-конволюта, известная среди единоверцев своей начитанностью в духовных текстах, поведала археографам устный пересказ той же повести, сохраненный благодаря записи (по памяти) А. Ю. Бородихина. Этот пересказ изобилует сказочными деталями и занимательными подробностями. Источник его — едва ли текст Литургической редакции. Пересказ Повести в изложении А. Р. Смольниковой утратил некоторые важные эпизоды и подробности. Так, из него полностью исчез фривольный эпизод о совращении Андреем монахинь, забыт изощренный способ наказания матери-кровосмесительницы (ей в исходном тексте в ноздри продевается замок, ключ от которого был затем выброшен в море), исключен эпизод с убийством Андреем трех несговорчивых иереев. Зато добавлена «детективная» занимательность эпизоду убийства отца Андрея (в этом пересказе он купцом не называется). Невольный убийца тайно хоронит его в саду, ничего не сказав жене и родственникам убитого, отчего тот считается без вести пропавшим. Лишь после женитьбы на хозяйке Андрей решается доверить ей страшную тайну. Кровосмесительный смысл совершенного брака открывается в результате расспросов женщины о родителях своего молодого мужа (в Повести он опознается по шраму). Окказиональны и некоторые другие подробности пересказа — так, мать Андрея узнает о его будущей судьбе во сне от явившегося к ней ангела, отец Андрея в этом тексте не застрелен безуспешно окликавшим его сторожем, а бит ударом посоха по голове. Некоторые особенности пересказа напоминают другие древнерусские повести о кровосмесителе, например, плавание младенца по морю «в лодочке» (в исходном тексте тот привязан к дощечке) или то, что в море бросается ключ от кельи, в которой заперт Андрей, переписывающий «какую-то книгу» (ср. Повесть о папе Григории). Впрочем, смешение подробностей разных повестей

[7] Канон Андрея Критского исполняется целиком в четверг пятой недели Великого поста, а также в первую неделю, когда с понедельника по четверг звучат избранные стихи всех девяти песен, организованные по одному смысловому рисунку — от Адама до Христа.

о кровосмесителе характерно не только для их фольклорных пересказов, но и для их рукописной традиции[8].

Интересная подробность — запись А. Ю. Бородихина сохранила эмоциональное восприятие сюжета рассказчицей: «Брюхо ей [рыбе служанка] вспорола, а из него – бряк – ключ выпал. <...> Ой! Я как за голову, что же это! Но и дальше ведь интересно читать, хоть и страшно, а уже какая ночь стоит. Собралась с духом, дальше читаю». Именно занимательность «страшного» сюжета явно привлекает рассказчицу, в то время как героя рассказа с автором Великого канона она явно не отождествляет. Как в большинстве устных пересказов Повести, в этом тексте отсутствует эпизод праведной монашеской жизни прощеных грешников, обычно сразу же после этого умирающих: «Простил, значит, их Господь! Вскорости они и померли и уже не жили как муж с женой». Рассказ А. Р. Смольниковой — наиболее поздний из известных нам устных обработок Повести об Андрее Критском[9], тем примечательнее, что услышан он из уст сказительницы-старообрядки.

Древнерусская Повесть об Андрее Критском — одно из самых причудливых порождений народного православия, показательный пример парадоксальности путей русской святости. Оригинальное и даже полемическое воплощение догмата о Божьем милосердии в этом памятнике — один из первых опытов «русского прочтения» общехристианского *мифа о великом грешнике*, ставшего позднее почти архетипическим для национального самосознания и отечественной культуры[10]. Новонайденная редакция этого памятника, а также свежая запись его устного пересказа не только вносят известные уточнения в историю его бытования, но и расширяют, кроме того, наши представления о круге чтения и художественных пристрастиях в сибирской старообрядческой среде.



[8] *Климова М. Н.* Из истории «Эдипова сюжета» в русской литературе (повести о кровосмесителе) // Проблемы истории, русской книжности, культуры, общественного сознания. — Новосибирск, 2000. — С. 52–57.

[9] Всего таких записей известно 17, из которых наиболее ранняя сделана в Забайкалье В. К. Кюхельбекером. — *Климова М. Н.* Из истории «Эдипова сюжета» в русской литературе («Баргузинская сказка» В. К. Кюхельбекера) // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. — Новосибирск, 2001. — С. 150–155. Об устных восточнославянских обработках «Эдипова сюжета» см.: *Климова М. Н.* Повесть об Андрее Критском и фольклор (некоторые аспекты сопоставительного анализа) // Рукописная традиция XVI–XIX вв. на востоке России. — Новосибирск, 1983. — С. 27–38.

[10] *Климова М. Н.* «Миф о великом грешнике» в русской литературе (Этапы эволюции и некоторые особенности бытования) // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер. Гуманитарные науки (Филология). — 2003. — Вып. 1. — С. 54–58.